

Б. Б. Сажин

Религиозное движение «неплательщиков» в 60–80-е годы XIX века: жизнь в сакрализованном пространстве

Данная статья посвящена религиозному нонконформистскому движению «неплательщиков», возникшему на Урале в 60-е гг. XIX в. В работе освещается ранний этап истории «неплательщиков», период, когда данное движение, вызванное к жизни условиями освобождения крестьян от крепостной зависимости, приобретает религиозные черты. На основе архивных материалов, часть которых впервые вводится в научный оборот, в статье раскрывается механизм взаимодействия материальных и духовных факторов в появлении и развитии религиозных обществ. Особое внимание уделяется поведенческим практикам «неплательщиков». Их действия рассматриваются в контексте изменений религиозных представлений об окружающем мире у данной части горнозаводского населения. В статье делается вывод о том, что в Российской империи второй половины XIX в. вероятность дополнения социально-экономического недовольства населения религиозным протестом была очень велика, так как культурные нормативы традиционного общества способствовали преобладанию иррациональной интерпретации окружающей человека действительности.

ключевые слова: «неплательщики», сектантство, Сергинский горный округ, народные религиозные движения, крестьянская реформа 1861 г., эсхатология.

В 60-е гг. XIX в. в Пермской губернии зарождается новое религиозное движение «людей Божьих», или, как их называло местное население, «неплательщиков». Это одно из многочисленных внецерковных течений того времени интересно тем, что его возникновение было вызвано, прежде всего, не духовными исканиями, а социально-экономическими причинами. Начавшись с проявления работными людьми Сергинского горного округа недовольства условиями освобождения от крепостной зависимости, это движение впоследствии принимает религиозные формы и становится одним из самых радикальных духовных протестов в Российской империи второй половины XIX столетия.

Ярко выраженная социально-экономическая составляющая движения «неплательщиков» ставит перед исследователем вопрос о принципах взаимодействия материальных и духовных компонентов в процессе возникновения и развития религиозного учения. Кроме того, история уральской группы «людей Божьих» предоставляет возможность описать, как в условиях кризисной ситуации происходит трансформация окружающего пространства в восприятии людей традиционного общества, как жизненный мир наделяется новыми религиозными смыслами. Целью статьи является освещение механизма превращения социально-экономического протеста «неплательщиков» в религиозное движение и воздействия этого процесса на изменение картины мира у данной части горнозаводского населения.

История религиозного движения «неплательщиков» освещена недостаточно полно. В основном в список трудов, посвященных этой части уральского горнозаводского населения, входят работы дореволюционных авторов. Среди них следует выделить известного ученого и общественного деятеля Александра Степановича Пругавина, в 1882 г. изучавшего «неплательщиков» в полевых условиях и впоследствии опубликовавшего ряд статей по этой теме.

Данное исследование опирается, прежде всего, на архивные источники. Во-первых, это материалы из личного фонда Пругавина, хранящегося в Российском государственном архиве литературы и искусства. В фонде сохранились дневник ученого, который он вел во время поездки на Урал, записи его бесед с «неплательщиками», представителями духовенства, заводской администрации, жителями Нижне-Сергинского заводского поселка, черновики статей, выписки из официальных документов. Во-вторых, в работе используются архивные материалы Государственного архива Пермского края. В первую очередь это документы ведомственных учреждений Пермской губернии, сохранивших сведения о «неплательщиках». Кроме того, важные сведения предоставляют также опубликованные работы исследователей по данной теме.

Сергинский горный округ включал в себя заводы Верхне-Сергинский и Нижне-Сергинский, Михайловский и Атигский, расположенные на западном склоне Уральского хребта. Первые два предприятия были построены и запущены в производство Никитой Никитичем Демидовым в 1740 и 1743 гг. С 1789 г. ими стал владеть московский городской голова купец Михаил Павлович

Губин, расширивший позже владения за счет строительства Михайловского и Атигского заводов. В XIX в. наследники Губина привели предприятия к банкротству и в 1882 г. они были проданы государством «Товариществу Сергинско-Уфалейских горных заводов», которое постепенно и вывело местное промышленное производство из состояния упадка.

Уровень жизни мастеровых был низким. Плата за работу была невысокой, да и ее по мере ухудшения экономического положения заводов часто не выплачивали. Вместе с тем благодаря контролю со стороны государства, заводское население имело ряд льгот и привилегий. Так, например, заготовка леса и сена осуществлялась людьми на безвозмездной основе. Бесплатно выдавался провиант. Свободно население могло пользоваться выгонами и выпасами. Все подати платились владельцами заводов. Рекрутскую повинность отбывали деньгами. Кроме того, после десяти лет работы на заводе рабочий получал в собственность усадьбу и небольшой земельный участок, а еще через пять лет ему предоставлялось право на пенсию [*Пругавин 1918, 9–11; Пругавин. Дело 80, 127–128; Пругавин. Дело 79, 3*].

Исследователи отмечают, что появление движения «неплательщиков» в Сергинском округе было вызвано проведением крестьянской реформы 1861 г., которая вызвала резкое ухудшение экономического положения горнозаводского населения и лишила их всех прежних льгот и привилегий [*Пругавин 1914, 67; Пругавин 1918, 9–11; Солодовников, 254; Ч-н, 15*]. Особое недовольство вызвали условия уставных грамот, их большая часть населения заводов Сергинского горного округа наотрез отказалась подписывать. Со слов «неплательщиков», когда в марте 1862 г. в Нижне-Сергинском заводе «на площади при полном сходе прочитали уставную грамоту», они решили ее не признавать. «Все в один голос... — Не принимаем твоей уставной грамоты. Не согласны» (здесь и далее сохранены орфография и пунктуация источника. — *Прим. ред.*) [*Пругавин. Дело 80, 150*].

Основное недовольство заводских людей, вероятно, вызвало решение вопроса о сенокосных угодьях. Земледелием на заводах не занимались, а для горнозаводского населения покосные земли имели первостепенное значение, так как большую часть работ они производили при помощи лошадей. По условиям уставной грамоты работным людям полагалось безвозмездно по одной десяatine земли на одну ревизскую душу. Остальное же количество земли должно было предоставляться на «особых условиях». Одна-

ко до освобождения от крепостной зависимости население заводов владело и пользовалось сенокосными угодьями, превышающими установленный законом размер.

После начала реформы 1861 г. заводская администрация, пользуясь законным правом отчуждать угодья размером больше положенной на душу одной десятины, отрезала в свою пользу лишние части сенокосных наделов работников предприятий. В «особых условиях» уставной грамоты Нижне-Сергинского завода было отмечено, что лишние земли могли остаться только у тех мастеровых, кто соглашался работать на предприятии в соответствии с новыми правилами по найму, за незначительную заработную плату. Тем же, кто отказывался работать по новым условиям, пользоваться дополнительными землями разрешалось только «по особым добровольным соглашениям с заводоуправлением», т. е. за плату [*Уставная, 6 об.*].

Возмущенные такой несправедливостью, мастеровые решили не вступать в договорные отношения с бывшими хозяевами, отказались от сенокосных земель (это разрешалось законом), а также прекратили работать на производстве. Примечательно, что попытка заводоуправления увязать наемный труд с количеством сенокосных угодий стала, по-видимому, еще одной причиной отказа работников подписывать уставные грамоты. Мастеровые и горнозаводские крестьяне восприняли данное намерение администрации как попытку вновь их закрепостить. Мировой посредник в январе 1862 г. отмечал:

...Отказ этот от покосной земли происходит не от того, чтобы отводимая мастеровым земля была для них излишнею, напротив, при значительном скотоводстве, какое существует у мастеровых, покосы для них крайне необходимы; отказываются же они от земли существенно из ложного опасения, дабы, приняв землю, не потерять чрез это личную свободу и личные гражданские права, дарованные им Всемиловейшим манифестом 19 февраля 1861 г. и из боязни, чтобы за пользование землею не были возложены на них обязанности в таком размере, который ограничил бы дарованные им права [*Уставная, 9 об.*].

Позже в рассказах «неплательщиков» Пругавину этот мотив также подчеркивался:

Боялись посадить его (Ушакова, управляющего заводами. — Б. С.) на себя снова [*Пругавин. Дело 80, 155*].

Все от того же... от уставной грамоты... от ней, от собаки, не работают... Отказались!.. Господин-то на нас ездил, ездил, да ишо захотел... Нет. Уж будет!.. Довольно, помучились! [Пругавин. Дело 80, 185].

Ждали-ждали волю: вот воля будет!.. Пришла воля — сковали нас! [Пругавин. Дело 79, 16].

Итак, движение «неплательщиков» начиналось как социально-экономический протест горнозаводского населения, не удовлетворенного условиями освобождения от крепостной зависимости. Следует отметить, что работа на заводах потом возобновилась, но часть мастеровых так и не согласилась подписывать уставные грамоты и выходить на производство. Власть и население заводов стали называть их «неплательщиками». В 60-е гг. XIX в. количество таких «упорщиков» во всем Сергинском округе составляло, вероятно, не менее двух тысяч человек [Пругавин. Дело 79, 41; Скалозубов, 90, 100, 106, 108].

Можно предположить, что у «неплательщиков» не было шансов в этом противостоянии. Самодержавие имело большой опыт в подавлении подобных протестов. Однако в случае с «неплательщиками» власть столкнулась с упорным и в значительной степени жертвенным сопротивлением; движение не только не было подавлено, но и пережило царскую Россию. Представляется, что такой ход событий был связан с принятием протеста мастеровых религиозного характера.

Когда же движение «неплательщиков» окрашивается в религиозные тона? Вероятно, это произошло в середине 60-х гг. XIX в. В книге «Религиозные отщепенцы. Очерки современного сектантства» Пругавин цитирует слова михайловского волостного старшины Грязного, сказанные в 1878 г. на судебном следствии по делу о «неплательщиках»:

По словам старшины, секта неплательщиков образовалась лет 12 тому назад в среде тех крестьян, которые вследствие разных причин, не имевших ничего общего с религией, отказались от платежа податей, но во всех других отношениях ничем не отличались от остального населения; религиозную же секту они образовали из себя лет 12 назад; причем стали называть себя «сынами божьими» и «странниками на сей земле» [Пругавин 1904, 83–84].

Почему социальное недовольство и экономические неурядицы сергинских мастеровых привели в итоге к формированию

религиозного движения? Пругавин, отвечая на этот вопрос, отмечал, что общество «неплательщиков»,

возникнув первоначально в сфере чисто экономической, на почве аграрных интересов, мало-помалу, под влиянием целого ряда причин, захватило область религии, призвав ее, как высший нравственный авторитет, на помощь собственному чисто мирскому, житейскому, но важному и кровному делу... [Пругавин 1914, 67].

На наш взгляд, с точкой зрения ученого следует согласиться. Можно сказать, иначе и быть не могло, так как в традиционном обществе религиозность являлась одной из основных составляющих народного мировоззрения. Многие явления окружающего мира русский крестьянин воспринимал сквозь призму христианских ценностей, и именно они в его глазах санкционировали и утверждали правильность повседневного бытия. Иными словами, социально-экономические изменения в жизни населения, особенно в кризисные, переломные эпохи, изначально оценивались в рамках религиозного дискурса. Поэтому в Российской империи в XVIII–XIX вв. практически все народные протестные движения, так или иначе, принимали религиозную окраску¹.

Жители Сергинского горного округа в этом отношении мало чем отличались от большинства населения страны. Религиозность была присуща мастеровым заводам. «У нас народ, можно сказать, любимец в церковь ходить», — рассказывали Пругавину в Нижне-Сергинском заводе [Пругавин. Дело 79, 180]. Все «неплательщики», по мнению нижнесергинского священника, «прежде были православными» и «ходили в церковь» [Пругавин. Дело 79, 139 об.]. В одном из очерков о «неплательщиках», опубликованном в 1896 г. в «Пермских епархиальных ведомостях», упоминается один любопытный эпизод, связанный с антиправительственной пропагандой неких «темных личностей» среди заводского населения после начала проведения реформы. Примечательно, что народ называл их «евангелистами» [Из истории, 3]. Вероятно, звали их так потому, что в своей пропаганде эти «темные личности» опирались на Священное писание. Это еще раз косвенно свидетельствует, что окружающее пространство, которое принято называть «профанным», на самом деле для населения уральских заводов таковым не было, мир вокруг с его социальными

1. См.: [Сажин, 593–598].

и экономическими проблемами, так или иначе, был пронизан религиозными смыслами. Поэтому в данном случае будет уместным поставить вопрос не о том, почему движение «неплательщиков» приняло религиозный характер, а о том, почему оно стало оппозиционным по отношению к господствующей православной церкви.

Исследователи единодушно определяют причину формирования оппозиционных религиозных настроений у горнозаводского населения отказом православного духовенства поддержать их требования [Пругавин 1918, 11–12; Ч-н, 17]. «Попы, — утверждали “неплательщики”, — там же, где грамота уставная» [Пругавин. Дело 79, 16]. Православных священников «упорщики» отвергли, так же как перестали признавать всех тех, кто не поддерживал их взгляды.

Можно также предположить, что религиозное учение «неплательщиков» развивалось под воздействием старообрядчества, так как Урал являлся одним из мест в Российской империи, где была распространена «старая» вера. Вместе с тем нельзя утверждать, что в Сергинском горном округе проживало много старообрядцев или что они каким-нибудь образом воздействовали на местное население, убеждая в отказе от соглашения с заводоладельцами. Волостной старшина Нижне-Сергинского общества Дементьев на запрос мирового посредника Блинова о возможном влиянии «раскола» на «неплательщиков» отвечал осенью 1868 г.:

...На предписание Вашего Высокоблагородия от 17 ноября за № 1633, здешнее Нижне-Сергинское волостное правление имеет честь донести 1) из неплательщиков крестьян Нижне-Сергинской волости совратилось в раскол три человека, а именно: Тимофей Горкулов в 1861 году Андрей Ал. Оралов в 1865 году и Александр Волотин в 1859 году. Из них Горкулов и Оралов отзываются о совращении своем так, что по неимению достаточно в здешнем Нижне-Сергинском заводе работ и не своевременное удовлетворение Конторою заработков они Горкунов и Оралов снискали себе таковые в околных селениях, где и были убеждены неизвестными им людьми, что Церковь и священников быть не должны со дня рождения Христа Спасителя и что Церковь есть не в сборе многолюдного собрания, а на сердце каждого человека, следовательно всякий человек может быть и священник. Это правило утверждено Арием на 7-м Вселенском Соборе. Александр же Золотин отозвался что он верует по толку старообрядцев, веру эту он изучил сам из книг Св. Писания, но отвергать православную веру и священство он не может. 2) Нижне-Сергинскому волостному правлению известно, что многие из крестьян совратились в раскол в разное время, т. е. до дня увольнения

из крепостной зависимости и после того, но от платежа повинностей упорства не делают... [*Дело о неуплате, 93–93 об.*].

Есть также официальные сведения за 1836–1837 гг. по количеству старообрядцев, проживавших в Сергинских заводах. Из ведомости, составленной осенью 1836 г. исправником Сергинских и Уфалейских заводов «о старообрядцах и раскольниках», следовало, что в этой местности проживало староверов «не приемлющих священство, но поклоняющихся иконам» в количестве 23 мужчин и 37 женщин [*Рапорта, 126*]. Сектанты же на заводах, по-видимому, и вовсе отсутствовали:

...В сказанных выше заводах: духоборцев, малаханов, иконоборцов и иудействующих, субботников, жидов и скопцов не имеется... [*Рапорта, 126 об.*].

В 1882 г. священник из Нижних Серег рассказывал Пругавину, что у них «записных раскольников совсем нет, но есть “уклонившиеся” и “таких считается около 150 человек”». Представитель православного духовенства указывал народнику, что у них живут и поповцы, и беспоповцы, и даже имеются «хлысты» [*Пругавин. Дело 79, 139 об.*].

Таким образом, в Сергинском горном округе старообрядчество не получило слишком сильного развития. В основном проживали беспоповцы, но их влияние на становление и развитие движения «неплательщиков» не является очевидным. Воздействие на формирование религиозных взглядов у сергинских «упорщиков» оказывалось, скорее всего, извне. Действительно, и в данном случае исследователи также едины в своих мнениях, фиксируя влияние на мысль «неплательщиков» представителей одного из самых радикальных беспоповских согласий, «странников» [*Пругавин 1918, 12–13; Солодовников, 256; Ч-н, 17*]. Примечательно, что само имя последователей старца Евфимия в среде сергинских мастеровых получило в определенном смысле ореол святости, став одним из самоназваний. «Странники на сей земле Господней, — говорили они. — Кто с нами один совет имеет — того так называем» [*Пругавин. Дело 80, 183*].

В принципе нет ничего удивительного в том, что на «неплательщиков» воздействовали «странники». На территории Красноуфимского уезда, в состав которого входил Сергинский горный округ, «бегунов» насчитывалось немало, как «пристанодержателей», так и собственно самих «странников» [*Пермский, 1–47*].

Вероятно, контактов между ними и жителями Сергинских заводов было достаточно. Но основным доводом в пользу такого предполагаемого влияния могут служить схожие черты в религиозных учениях и практиках.

Прежде чем осветить основные элементы религиозного учения «неплательщиков», его влияние на мировоззрение людей и их повседневную деятельность, следует отметить, что в 60–80-е гг. XIX в. взгляды сергинских оппозиционеров нельзя было назвать едиными, окончательно оформленными в виде определенной концепции. «Надвое разделяются неплательщики», — о себе сами говорили представители религиозного неконформистского движения [Пругавин. *Дело 80, 181*]. Одну часть «упорщиков» можно назвать умеренными, так как они продолжали признавать царя, подавать прошения. Другая часть «неплательщиков» уже ни во что не верила, отвергала все общественные и государственные порядки, монархические иллюзии исчезли.

В основе этой дифференциации лежало, вероятно, беспоповское учение об антихристе, усвоенное, скорее всего, от «странников». Принятие этой доктрины, с одной стороны, отражало степень восприятия частью горнозаводского населения Сергинского округа нового для них социально-экономического устройства мира, а с другой — определяло возможные сценарии поведения в нем. Необходимо отметить, что эсхатология «странников» могла наиболее адекватно отражать взгляды «неплательщиков» на новую для них реальность: пространство антихриста символически соединилось с миром социальной и экономической несправедливости.

В статье А.П. Солодовникова «Неплательщики» описана в общих чертах эсхатологическая доктрина религиозных неконформистов Сергинских заводов. Согласно этой концепции, Господь, изгнав человека из рая, «отдал ему в обладание землю и завещал обрабатывать ее в поте лица, за что она будет приносить трудящемуся на ней плоды». Это и есть тот «истинный и святой горный закон», согласно которому владеть землей должен исключительно тот, кто на ней трудится. Однако впоследствии, «под влиянием злобной и темной силы, олицетворяемой в антихристе, дела мира приняли течение, уклоняющееся от пути, указанного им Богом и труженик-работник лишился обладания завещанною ему Творцом землею». Власть антихриста распространялась все более и более. По его внушению патриарх Никон произвел исправление книг, под его влиянием было совершено бракосочета-

ние Алексея Михайловича с Натальей Кирилловной по новому обряду. С этих пор антихрист втерся в мир, «окружил его туманом», который заслонил «от духовных глаз Государей истинное понимание закона». Тогда же и духовенство, и светская власть, «исполняющие веления Царей», становятся проводниками идей антихриста, его слугами. Могущество антихриста, по мнению «неплательщиков», непреоборимо. Одно из явлений силы антихриста произошло в царствование Александра II. Мастерские считали, что император, освободив их от крепостной зависимости, «желал вновь восстановить завет Господа — “истинный горный закон”» — в полном его объеме. Но он не сумел довести дело до конца, так как был затемнен «туманом» антихриста и, уступая ему, ввел уставную грамоту.

Далее, чтобы не оказаться во власти антихриста, «неплательщики» решают отказаться от всего, что связано с окружающим их миром. Они перестали признавать законы, власти, духовенство, отказались от земельного надела, уплаты податей, несения рекрутской повинности и т. д. Даже отвергли деньги и стали «придерживаться непосредственного обмена». Этим правилам, по мнению Солодовникова, должны были незыблемо следовать «сыны Божьи» [Солодовников, 259–260].

Перед нами, по сути, один из вариантов духовного восприятия пришествия антихриста. «Неплательщики» стали жить в сакрализованном пространстве, наполненном мрачными эсхатологическими образами. Учение об антихристе отражает социально-экономические мотивы этой части горнозаводского населения. Можно сказать, что в основе данной концепции лежит искажение народного трудового права на землю и другие природные дары («святой горный закон»). Видно, что понятие собственности не имеет у мастеровых юридического основания, а наполнено религиозными смыслами. Земля, леса, воды созданы Богом, и владеть ими могут только те, кто трудится.

Помимо этого к деяниям «врага рода человеческого» мастера-вые относили и крепостное право, порабощение людей. «Неплательщики» разъясняли:

Святой закон еще Никоном нарушен. Дальше — больше. А как Екатерина Алексеевна села на царство, то и пошло невесть что. Преже великие цари благочестивые дарили и жаловали чинами да орденами, а она стала дарить людьми, стало быть нашим братом хрестьянами. С тех пор и пошли крепостные [Пругавин. Дело 80, 155].

Уставные грамоты стали рассматриваться «неплательщиками» как продукт деятельности антихриста, утвердившего свое господство на земле и вернувшего право господ на людей и землю. Такое отношение окрасило в религиозные тона объяснения мастеровыми условий освобождения как новой попытки закрепощения. Соответственно, еще более усиливалось отторжение тех, кто признал уставные грамоты и способствовал их введению в жизнь. В противном случае «неплательщики» сами оказывались пособниками антихриста, теряя надежду на спасение. С другой стороны, освоение эсхатологических мифов заводскими оппозиционерами давало им надежную опору в освоении и интерпретации окружающего социального пространства, легитимации и выработке моделей поведения в нем.

В архивных материалах содержатся сведения, что в эсхатологии «неплательщиков» имеются также элементы учения о «чувственном» или «расчлененном» антихристе. «В мире антихрист, на престоле царском со времени Петра I», — говорили мастеровые Пругавину [*Пругавин. Дело 79, 32*]. Вероятно, таких взглядов придерживалась радикальная часть «упорщиков». Определяющей в осмыслении учения об антихристе этой частью населения Сергинских заводов стала, на наш взгляд, библейская книга пророка Даниила, на которую они неоднократно ссылались в беседах с народником [*Пругавин. Дело 80, 105, 165*].

В этой книге рассказывается о четвертом звере, символизирующем сирийского царя Антиоха IV Эпифана, прообраза антихриста. У радикальных «неплательщиков» образ Антиоха-антихриста был отождествлен с российскими самодержцами. В этом отношении показательным выглядит следующий диалог Пругавина с двумя крестьянками:

...Уставной грамоты не принимаем. Властей земных не сознаем, от общества отказываемся... Никого-никого не сознаем, рекрутов ему не даем и жеребьев не выбираем. И помочи ему ни в чем не даем...

— Кому ему? — спросил я.

— Антиоху... гонителю, — сказала она.

— Кесарю, — пояснила другая... [*Пругавин. Дело 79, 112*].

По-видимому, под «кесарем» разумелся Александр III и, скорее всего, в данном случае мы имеем дело с распространением среди заводского населения идеи «расчлененного» антихриста, разделяемой значительной частью «странников», отказавшихся

искать точки соприкосновения с окружающей реальностью. Повседневный мир, и без того окрашенный в мрачно-сакральные тона, обогащается интерпретационными моделями видений пророка Даниила.

Во-первых, антихрист уже присутствует на земле, воплотившись в фигуре российского императора. На следствии по делу демонстрации 25 мая 1878 г. в Михайловском заводе «неплательщики» говорили о царе следующее: «изменник, он закон божий нарушил... антихрист!» [*Пругавин. Дело 79, 164*]. Один из лидеров радикальной партии «упорщиков» Петр Контауров в волостном правлении Михайловского завода в марте 1880 г. при свидетелях, «смотря на находящийся в присутствии волостного правления портрет Его Императорского Величества, Государя Императора Александра Николаевича... назвал его... антихристом, окаянным и другими ругательными словами, при чем выразил, что если бы в образе портрета был Государь в живых, то он застрелил бы Его» [*Дело по обвинению, 2*].

Представители власти и духовенства, приводившие народ к принятию уставной грамоты, воспринимались как слуги антихриста. Горнозаводские крестьяне называли их «варягами». «Неплательщики» жаловались Пругавину:

Где она воля-то, на поругание варягам он отдал нас, а не на волю, — злым волкам на расхищение. Варяги нас одолели... Что по домам ходят, ворота ломают, последнее отбирают... Сказано у Давида (вероятно, Даниила. — Б. С.): соединятся все цари земстии со бесом и пойдут войной на народ... земных властей не сознаем... слугам антихриста не покоряемся [*Пругавин. Дело 80, 105, 107–108*].

Во-вторых, радикальные «неплательщики» были уверены в скором конце света. «Господь явится судить живых и мертвых — вот что ждать», — убеждали они своих более умеренных единомышленников [*Пругавин. Дело 80, 183*]. Солодовников отмечал:

Неплательщики верят, что вот уже третий год, как появились несомненные признаки рождения врага рода человеческого, волка — духа лукавого... Они твердо уверены, что близок час гибели грешной земли... [*Солодовников, 265*].

В-третьих, эта часть заводского населения верила, что Царство Божье, восстановление «горнего» закона после сокрушения

антихриста совершится на земле, а не на небесах. В статье неизвестного автора, опубликованной в анархо-революционном журнале «Община», указывается:

Новые сектанты утверждают, что кончину мира следует понимать не в смысле уничтожения земли, а в смысле уничтожения существующего порядка на земле и замены его другим, при котором «всем будет хорошо» и «не будет ни господ, ни крестьян». Как это осуществится, в каких формах выразится этот новый строй — об этом неплательщики определенного представления не имеют. Утверждают они, что перед началом этого нового порядка будет «суд всей земле», «будет великая война» и «усобица» [Ч-н, 17].

Эти данные подтверждаются сведениями Солодовникова, согласно которым после гибели антихриста в «великом очистительном огне», «сыны Божьи» «останутся единственными наследниками и владельцами погибшего греховного мира, и вот тогда-то наступит нетерпеливо ожидаемое ими царство — царство свободы, вольного труда и вечного обладания очищенной огнем землею» [Солодовников, 260].

Как видно, религиозная доктрина радикальных «неплательщиков» насыщена крайним эсхатологическим драматизмом. Отвергая, как и умеренные религиозные оппозиционеры, светскую власть и духовенство, современный миропорядок как воплощение царства антихриста, они пошли еще дальше, переведя социальные чаяния в формате апокалиптических ожиданий из плоскости неопределенного времени в конкретный момент практического действия.

Вместе с идеологией эволюционировали духовные и социальные практики повседневной жизни «неплательщиков». Религиозная сфера жизнедеятельности подверглась серьезным изменениям. «Неплательщики» пришли к отрицанию практически всех религиозных обрядов. «Какие же посты соблюдать, когда мы не крещены? — говорила Пругавину старуха-“неплательщица”, — Зачем мы среду, пятницу соблюдаем, когда мы не крещены? ... Нам пост не почему сознавать... крещения не сознаю... Какое же тут причастие, коли мы ничего и никого на сей земле не знаем...» [Пругавин. Дело 79, 188]. «Крестов не носим... поклонов тоже... праздников не сознаем и за грех не считаем работать... не молимся никогда... Если сердце горит, так это молись ли воздыхай...», — сообщали народнику другие собеседники [Пругавин. Дело 79, 163, 162].

Иконы «неплательщики» также отрицали. Одна из «неплательщиц» рассказывала:

Иконам не верую. Они немощные, ничего не могут поделать. Они от рук сотворены. Ни старых, ни новых не сознаю, забросила... [Пругавин. Дело 79, 161].

Отрицание церкви привело к отказу от захоронений на местном кладбище:

А теперь умрет кто, артель наша соберется, снесем на особое кладбище в лесок, на особом месте... соберем... гроб досчатый... Все единомысленники соберутся (кто ничего не признает), сидят ночь вместе «скучано с мертвыми телесами». Отнесут. Все проводят. Обед — накормят, кто трудился, носил гроб... [Пругавин. Дело 79, 164].

Так как окружающий «неплательщиков» мир погрузился во тьму антихристовой власти, то, соответственно, они во избежание «погибели» постарались порвать все внешние связи с обществом. Уже отмечалось, что эта часть религиозных оппозиционеров отказалась признавать и иметь какие-нибудь отношения с властью, духовенством и теми жителями заводов, которые приняли уставные грамоты, символ наступившего «последнего времени». Многие в повседневной жизни радикальных «неплательщиков» также говорит о желании избежать контактов с враждебной им реальностью. Определенные модели поведения, по-видимому, также были заимствованы из практики староверческого согласия «странников». Так, как отмечалось выше, вероятно, некоторые из мастеровых вообще отказались от денег, отмеченных, по их мнению, печатью антихриста. «Не надо мне денег! Я денег не беру, — горячился один из опрашиваемых Пругавиным “неплательщиков”» [Пругавин. Дело 80, 204]. По свидетельству автора статьи в «Общине», горнозаводские крестьяне даже связали «появление кредитных билетов нового образца с литографированными портретами русских правителей на обороте» с воскресением мертвых перед вторым пришествием. «Мертвые цари ходят по рукам у людей на бумажках — говорили они, — а деньги командуют людьми. Стало быть, мертвые цари теперь управляют людьми, как живые; вот и воскресение мертвых» [Ч-н, 17].

Кроме этого «неплательщики», вероятно, как умеренные, так и крайние, отказывались открывать кому-нибудь свои имена.

Солодовников объясняет нежелание горнозаводских крестьян называть свои имена тем, что только одно занесение их «в проклятые книги или списки дает над ними известную власть антихристу» [Солодовников, 263].

Эсхатологическим содержанием наполнялись и другие социальные практики непокорного населения Сергинских заводов. Платить подати, отбывать воинскую повинность, служить в полицейских частях, принимать участие в делах волостного и сельского управления стало считаться грехом, так как это плодило «беззаконие». С таким восприятием действительности связано, например, подробно описанное Пругавиным и Солодовниковым упорное сопротивление «неплательщиков» призыву в армию, служба в которой рассматривалась как служение антихристу [Пругавин. Дело 79, 199; Пругавин 1918, 14–36; Солодовников, 263]. По-видимому, по той же самой причине в семьях мастеровых не отдавали детей в школы. Например, по словам Солодовникова, один из руководителей «неплательщиков» Иван Блинов «едва не убил и выгнал из дому своего сына, мальчика лет 13–14, страстно стремившегося к учению, когда тому удалось поступить в местное училище» [Солодовников, 258].

В 70-е гг. XIX в. структурируется и модель религиозного «спасения» у «неплательщиков». Солодовников, рассматривая эсхатологические взгляды религиозных нонконформистов, констатировал противоречие «между проповедью отчуждения от мира и пассивного протеста и поступками, носящими на себе резкий и явно вызывающий характер». Данное несоответствие он объяснял «случайными вспышками фанатического одушевления» [Солодовников, 261]. На наш взгляд, это противоречие устраняется фактом наличия двух партий в движении «неплательщиков». «Консерваторы», сохранившие веру в царя, действительно, ограничивались пассивным, «духовным» сопротивлением властям. Фактически единственным действенным средством борьбы с антихристом для них оставалась постоянная подача прошений в различные властные инстанции. «Мы живем по плоти еще... У кого же я буду просить, если я государя императора не буду сознать», — говорил Иван Фролов, один из умеренных «неплательщиков» [Пругавин. Дело 80, 180].

Действия радикальных «неплательщиков» определялись, в первую очередь, принятой в их среде моделью эсхатологических ожиданий. Солодовников рассказывает об обычае «людей Божьих», одевшись в белые одежды, в праздники собираться

«от мала до велика» на площадях во время совершения литургии, так как именно в эти дни «должен совершиться акт высокого божественного правосудия». Причем они собираются именно для «последнего тяжкого земного подвига — принятия мученического венца» [Солодовников, 260]. Жертвенность, готовность отдать жизнь за «истинный горний» закон являлись вообще отличительной чертой «неплательщиков». «Смерть приму, кровь пролью за истинный Божий закон!» — эмоционально говорила «неплательщица» Пругавину [Пругавин. Дело 80, 109–110].

Отметим, что, начиная со второй половины 1870-х гг., «неплательщики» начинают применять активные методы борьбы с царством антихриста. Выше уже упоминалось о демонстрации в Михайловском заводе, состоявшейся в 1878 г., когда группа мастеровых попыталась сорвать торжественный молебен. О другом подобном случае, произошедшем в Нижних Сергах, рассказал Солодовников. В заводском поселке в один из праздничных дней, во время крестного хода, собравшаяся толпа «неплательщиков» «бросилась на духовенство с угрозами и начала бросать в него камнями» [Солодовников, 261]. Происходили случаи столкновения с представителями местной власти при отборе имущества у религиозных неконформистов [Дело о крестьянах, 1–119 об.].

Появление радикальной партии «неплательщиков», как следует из материалов Пругавина, произошло около 1876 г. Вероятно, что причиной стало не только дальнейшее освоение «упорщиками» учения об антихристе, но и влияние революционных народников, приезжавших для агитации в Сергинские заводы. «Неплательщики» называли народников «хорошими людьми» [Пругавин. Дело 80, 115]. Надо отметить, что полной самоизоляции у религиозных неконформистов не произошло, те, кто, так или иначе, разделяли их взгляды, становились для них «путешественниками» или «странниками», т. е. своими [Пругавин. Дело 80, 183, 185].

В 60–80-е гг. XIX в. религиозное учение «неплательщиков» еще не оформилось в единую систему. Жаркие споры о природе власти, сущности антихриста продолжались. Разнообразны были религиозные и социальные практики. Происходил напряженный поиск «неплательщиками» наиболее адекватной повседневным реалиям их жизни стратегии деятельности. В данном контексте символично звучат слова одного из «неплательщиков»: «...духовно-то надо было бы рассудить, да у меня книг-то нет... Антихрист... Не знаю как о нем думать...» [Пругавин. Дело 80, 195].

О последующей истории религиозного движения на Сергинских заводах пока мало что известно. Одни «неплательщики», задавленные нуждой, возвращались работать на завод, другие переселялись в Сибирь, третьи — искали сезонный заработок в родных местах, а четвертые жили подаянием. Численность «странников на сей земле», по мнению исследователей, сокращалась. По официальным данным за 1887 г. их в Сергинском округе насчитывалось 187 человек, однако проверить эти данные не представляется пока возможным [Солодовников, 268]. Вместе с тем расширялась география «неплательщиков»: принудительно высланные с Урала, они постепенно в течение второй половины XIX в. расселялись по Сибири, сохраняя свою религиозную идентичность.

Таким образом, религиозное движение «неплательщиков» в горном Сергинском округе было вызвано, главным образом, социально-экономическими причинами. Религиозно-протестный характер оно принимает лишь несколько лет спустя после своего появления. Это становится возможным благодаря, в первую очередь, преобладанию религиозной составляющей в культурных нормах традиционного общества. Из-за действия светской и духовной властей, влияния радикальных беспоповских согласий движение «неплательщиков» принимает непримиримое к окружающей реальности отношение. Центральным элементом учения «неплательщиков» стала концепция антихриста, «духовного» и «расчлененного». Эсхатология уральских религиозных неконформистов привела к формированию новых параметров сакрализации ими окружающего пространства. Оно оказалось во власти антихриста, связь с обществом фактически разрывается, конструируются новые религиозные и социальные практики, противопоставляющие «неплательщиков» всему остальному населению.

Архивные материалы

1. *Дело о крестьянах* = Дело о крестьянах Дмитрие и Михаиле Прокопьевых Игнатовых и Ефиме Осипове Симанове, обвиняемых за нанесение ран должностным лицам, при исполнении последних служебных обязанностей. Государственный архив Пермского края. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1589.
2. *Дело о неуплате* = Дело о неуплате государственных податей крестьянами Атигской, Верхне-Сергинской, Михайловской, Нижне-Сергинской волостей Красноуфимского уезда. Т. 1. Государственный архив Пермского края. Ф. 41. Оп. 1. Д. 368 А.

3. *Дело по обвинению* = Дело по обвинению крестьянина Нижне-Сергинской волости Красноуфимского уезда Контаурова П. Г. за принадлежность к секте раскольников. Государственный архив Пермского края. Ф. 142. Оп. 1. Д. 901.
4. *Из истории* = Из истории возникновения секты «неплательщиков» в Красноуфимском у. Пермской губ. — выписки из «Пермских епархиальных ведомостей» за 1896 г. Рукой не установленного автора. Присоединены сведения о «неплательщиках» из сб. «Пермский край». Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 435. Кар. 66. Д. 23.
5. *Пермский* = Пермский епархиальный миссионер Ведомства православного исповедания. Рапорты, доносы, списки и т. д. о сектантах на имя пермского епархиального миссионера А. Г. Кулешова от священников Красноуфимского уезда. Государственный архив Пермского края. Ф. 95. Оп. 1. Д. 41.
6. *Пругавин. Дело 79* = Пругавин А. С. Очерки и заметки о сектах «неплательщиков» и «лучинковцах» на Урале. Приложен приговор крестьян о «неплательщиках». Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2167. Оп. 1. Д. 79.
7. *Пругавин. Дело 80* = Пругавин А. С. Статьи и наброски о сектантстве. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2167. Оп. 1. Д. 80.
8. *Рапорта* = Рапорта заводских исправников и сведения о числе старообрядческих и раскольнических сект, церквей, монастырей и часовен Пермской губернии. Государственный архив Пермского края. Ф. 65. Оп. 2. Д. 817.
9. *Уставная* = Уставная грамота Нижне-Сергинского з-да Красноуфимского уезда наследников К. Губина, постановления Пермского губернского по крестьянским делам присутствия о росчистях; списки владельцев росчистей. Государственный архив Пермского края. Ф. 41. Оп. 2. Д. 77.

Источники и литература

1. *Пругавин 1914* = Пругавин А. С. Борьба с антихристом (Очерки религиозно-аграрного движения на Урале) // Заветы. 1914. № 5. Отд. II. С. 63–92.
2. *Пругавин 1918* = Пругавин А. С. Неприемлющие мира : Очерки религиозных исканий : Анархическое течение в русском сектантстве. М. : Задруга, 1918. 180 с.
3. *Пругавин 1904* = Пругавин А. С. Религиозные отщепенцы : Очерки современного сектантства. Вып. 2. СПб. : Общественная польза, 1904. 252 с.

4. *Сажин* = Сажин Б. Б. Религия и революция : взгляд А. С. Пругавина в начале XX века : (По архивным материалам) // Государство, общество, церковь и история России XX–XXI веков : Материалы XV Международной научной конференции (Иваново, 23–24 марта 2016 г.) : В 2 ч. Ч. 1. Иваново : Ивановский государственный университет, 2016. С. 593–598.
5. *Скалозубов* = Скалозубов Н. Л. Список населенных мест Красноуфимского уезда Пермской губернии : Сост. по данным подвор. описи, произвед. в уезде в период с 1888 по 1891 г. Пермь : Красноуфимское уездное земство, 1894. 132 с.
6. *Солодовников* = Солодовников А. П. Неплательщики // Пермский край. Т. 1. Пермь, 1892. С. 254–268.
7. *Ч-н.* = Ч-н. Из Красноуфимского уезда // Община. 1878. № 2. С. 15–18.

B. B Sazhin

The “Non-Payers” Religious Movement in 1860–1880s: life in a sacral dimension

This article primarily focuses on the “non-payers” religious movement, which appeared in the Urals in the 1860s. This paper highlights the early period of the “non-payers” history, when the movement, which appeared due to peasants’ conditions of living after their liberation from serfdom, gets religious traits. In this article the mechanism for interaction between material and spiritual factors, which led to emergence and development of religious societies, is described. The work was made on the basis of the archival records which are introduced into the academic circulation for the first time. Special attention is paid to “non-payers” behavioral practices. Their actions and activities are studied in the context of changes of religious beliefs about the world around them. The article concludes that there was a high possibility that socio-economic dissatisfaction in the Russian Empire of the 19th century was supplemented by religious discontent, because cultural standards of the traditional society contributed to predominance of a person’s irrational interpretation of the real world.

KEYWORDS: “non-payers”, sectarianism, Serginsky mining region, people’s religious movements, Peasants’ reform of 1861, eschatology.

Archival materials

1. Delo o krest’ianakh Dmitrii i Mikhaile Prokop’evykh Ignatovykh i Efime Osipove Simanove, obviniaemykh za nanesenie ran dolzhnostnym litsam, pri ispolnenii poslednikh sluzhebnykh obiazannostei. *Gosudarstvennyi arkhiv*

- Permskogo kraia* [State Archive of Perm Region], coll. 1, aids 1, fol. 1589 (in Russian).
2. Delo o neuplate gosudarstvennykh podatei krest'ianami Atigskoi, Verkhne-Serginskoi, Mikhailovskoi, Nizhne-Serginskoi volostei Krasnoufimskogo uezda. T. 1. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia* [State Archive of Perm Region], coll. 41, aids 1, fol. 368 A (in Russian).
 3. Delo po obvineniiu krest'ianina Nizhne-Serginskoi volosti Krasnoufimskogo uezda Kontaurova P. G. za prinadlezhnost' k sekte raskol'nikov. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia* [State Archive of Perm Region], coll. 142, aids 1, fol. 901 (in Russian).
 4. Iz istorii vozniknoveniia sekty "neplatel'shchikov" v Krasnoufimskom u. Permskoi gub. — vypiski iz "Permskikh eparkhial'nykh vedomostei" za 1896 g. Rukoi neustanovlennogo avtora. Prisoedineny svedeniia o "neplatel'shchikakh" iz sb. "Permskii krai". *Otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki* [Department of Manuscripts of the Russian State Library], coll. 435, kar. 66, fol. 23 (in Russian).
 5. Permskii eparkhial'nyi missioner Vedomstva pravoslavnogo ispovedaniia. Raporty, donosy, spiski etc. o sektantakh na imia permskogo eparkhial'nogo missionera A. G. Kuleshova ot sviashchennikov Krasnoufimskogo uezda. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia* [State Archive of Perm Region], coll. 95, aids 1, fol. 41 (in Russian).
 6. Prugavin A. S. Ocherki i zametki o sektakh, "neplatel'shchikov" i "luchinkovtsakh" na Urale. Prilozhen prigovor krest'ian o "neplatel'shchikakh". *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva* [Russian State Archive of Literature and Art], coll. 2167, aids 1, fol. 79 (in Russian).
 7. Prugavin A. S. Stat'i i nabroski o sektantstve. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva* [Russian State Archive of Literature and Art], coll. 2167, aids 1, fol. 80 (in Russian).
 8. Raporta zavodskikh ispravnikov i svedeniia o chisle staroobriadcheskikh i raskol'nicheskikh sekt, tserkvei, monastyrei i chasoven Permskoi gubernii. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia* [State Archive of Perm Region], coll. 65, aids 2, fol. 817 (in Russian).
 9. Ustavnaia gramota Nizhne-Serginskogo z-da Krasnoufimskogo uezda naslednikov K. Gubina, postanovleniia Permskogo gubernskogo po krest'ianskim delam prisutstviia o roschistiakh; spiski vladel'tsev roschistei. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia* [State Archive of Perm Region], coll. 41, aids 2, fol. 77 (in Russian).

References

1. Ch-n (1878). "Iz Krasnoufimskogo uezda" ["From Krasnoufimsky uyezd"]. *Obshchina*, 1878, n. 2, pp. 15–18 (in Russian).
2. Prugavin A. S. (1914). "Bor'ba s antikhrustom (Ocherki religiozno-agrarnogo dvizheniia na Urale)" [The fight against the Antichrist (Essays on the religious-agrarian movement in the Urals)]. *Zavety*, 1914, n. 5, dept. II, pp. 63–92 (in Russian).
3. Prugavin A. S. (1904). *Religioznye otshchepentsy : Ocherki sovremennogo sektantstva* [Religious Renegades: Essays on Modern Sectarianism], v. 2. St. Petersburg : Obshchestvennaia pol'za (in Russian).
4. Prugavin A. S. (1918). *Nepriemliushchie mira : Ocherki religioznykh iskanii : Anarkhicheskoe techenie v russkom sektantstve* [Essays on Religious Search: Anarchist Current in Russian Sectarianism]. Moscow : Zadruga (in Russian).
5. Sazhin B. B. (2016). "Religiia i revoliutsiia : vzgliad A. S. Prugavina v nachale XX v. (Po arkhivnym materialam)" ["Religion and revolution: the view of A. S. Prugavin at the beginning of the twentieth century. (According to archival materials)"], in *Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' i istoriia Rossii XX–XXI vv. : Materialy XV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [State, society and church in the history of Russia in the XX–XXI centuries: The Materials of XI International scientific conference] (Ivanovo, 23–24 of March 2016) : In 2 v., v. 1, Ivanovo : Ivanovo State University, pp. 593–598 (in Russian).
6. Skalozubov N. L. (1894). *Spisok naseleennykh mest Krasnoufimskogo uezda Permskoi gubernii : Sost. po dannym podvor. opisi, proizved. v ueзде v period s 1888 po 1891 g.* [The list of the inhabited places of the Krasnoufimsky district of the Perm province]. Perm' : Krasnoufimskoe uezdnoe zemstvo (in Russian).
7. Solodovnikov A. P. (1892). "Neplatel'shchiki" ["Defaulters"], in *Permskii krai*, v. 1, Perm, pp. 254–268 (in Russian).